

Нет автора

**Известия отделения русского языка и
словесности Императорской академии наук**

Том 10. Книга 3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Н57

Н57 **Нет автора**
Известия отделения русского языка и словесности Императорской академии наук: Том 10. Книга 3 / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 432 с.

ISBN 978-5-4241-6408-8

ISBN 978-5-4241-6408-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

О переводахъ евангелія на мало- русскій языкъ.

Можно видѣть нѣкоторые слѣды славянофильства въ извѣстныхъ словахъ начальной лѣтописи: «а Словѣнскъ языкъ и Русскій одинъ»¹⁾, съ тѣмъ различіемъ отъ позднѣйшаго славянофильства, что центръ тяжести для лѣтописца и образованныхъ современниковъ его былъ не въ русскомъ языкѣ, а въ славянскомъ. Знали они о разныхъ племенахъ славянскихъ—о Моравѣ, о Чехахъ, Ляхахъ и Полянахъ, «яже нынѣ зовомая Русь. Снмъ пѣрвѣе положены книги Моравѣ, яже и прозвася грамота Словенская, яже грамота е в Руси и в Болгарехъ Дунайскихъ». Таково было книжное преданіе въ кievской руси, по которому не славянскіе ручьи сливались въ русскомъ морѣ, а наоборотъ—русскіе въ славянскомъ. Сложилось оно въ силу глубокаго увлеченія грамотныхъ людей христіанствомъ. «Намъ Руси, говорятъ лѣтописецъ, учитель есть Павелъ апостолъ, понеже училъ есть языкъ Словѣнскъ, и поставилъ есть епископа и намѣстника по себѣ Андроника», который былъ предшественникомъ Меѳодія, переложившаго «вся кънигы (священнаго писанія) отъ грѣцка языка въ Словѣнскъ». Понятно послѣ этого, почему такъ настойчиво и страстно выражаетъ лѣтописецъ мысль о тождествѣ русскаго языка съ славянскимъ. Онъ, такъ сказать, забѣгаетъ

1) Мѣста изъ начальной лѣтописи приведены по Ипатскому списку.
Ипатскій П Огд. И. А. Н., т. X (1905), кн. 4.

нѣсколько впередъ и видитъ въ жизни и въ языкѣ своихъ современниковъ задатки высшей христіанской культуры, которая выражалась въ грамотѣ славянской. Хорошо было извѣстно ему, что народныя массы жили еще своими языческими преданіями, но онъ вѣрилъ въ могущество христіанскаго просвѣщенія, которое шло изъ грамоты славянской. «Володимеръ, говоритъ онъ, землю разора и умягчи, рекше крещеніемъ просвѣтивъ; сей же Ярославъ, сынъ Володимеръ, насѣя книжными словесы сердца вѣрныхъ людей, а мы пожинаемъ, учение приемлюще книжное. Велика бы полза бываетъ человѣку отъ учения книжнаго».

Оставляя въ сторонѣ звуковыя и морфологическія особенности «книжныхъ словесъ» славянской грамоты, которая водворилась на Руси послѣ принятія христіанства, мы должны всмотрѣться въ синтаксическую конструкцію ея для того, чтобы установить твердыя точки опоры для оцѣнки языка и стиля современныхъ переводовъ евангелія на малорусскій языкъ. Въ виду этого считаемъ необходимымъ напомнить нѣкоторыя замѣчанія наши объ отношеніяхъ славянскаго синтаксиса къ малорусской рѣчи народной и книжной въ старинныхъ памятникахъ ея. Замѣчанія эти были высказаны нами въ одномъ изъ давнихъ сочиненій нашихъ, посвященныхъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія¹⁾.

I.

Извѣстно, что въ древнеславянскихъ письменныхъ памятникахъ краткія причастія дѣйствительнаго залога, настоящаго и прошедшаго I, были употребляемы предикативно въ трехъ случаяхъ: 1) въ соединеніи съ различными формами глагола *быти*, напримеръ: «и пастуси бѣахъ въ той же странѣ бѣдаще» (Остр. 250);

¹⁾ Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII в. 1889 г.

2) при глаголахъ воспріятія, ощущенія, наблюденія: «не прѣста съ лобызажщи нозѣ мои (ib. 233), «како не обрѣтошася възращшеса дати славъ Богу» (ib. 109); 3) послѣ вопросительныхъ и относительныхъ мѣстоименій, занимая въ этихъ случаяхъ мѣсто личныхъ глаголовъ: «не вѣдать бо са чьто твораше» (ib. 191)¹⁾.

О первомъ изъ этихъ случаевъ Миклошичъ того мнѣнія, что это способъ выраженія не славянскій. Мы не отрицаемъ вліянія на письменную славянскую рѣчь греческаго синтаксиса, и притомъ того греческаго синтаксиса, который явился въ твореніяхъ отцевъ церкви подъ вліяніемъ подражанія образцовымъ греческимъ писателямъ, которыхъ они хотѣли выгѣснить изъ византійскаго образованнаго міра собственными произведеніями, написанными по образу и подобию древнегреческихъ. Въ нашихъ Октоихахъ и Тріодахъ—въ тяжеловѣсной славянской одеждѣ—и донинѣ еще сохранились нѣкоторые слѣды вліянія греческихъ поэтовъ, напимѣръ, Пиндара и даже Гомера. Подлинныя стихи этихъ поэтовъ, нужно сказать, были неясны уже и для позднѣйшихъ грековъ, поэтому неудивительно, что въ славянскомъ переводѣ смыслъ ихъ еще болѣе затмился. Тѣмъ не менѣе многіе, такъ называемые, грецизмы были свойственны и церковнославянской рѣчи. Доказательство, между прочимъ, заключается въ томъ, что въ старочешскомъ и старопольскомъ языкахъ есть обороты рѣчи аналогическіе съ церковнославянскими, которые считались грецизмами, тогда какъ чешскій и польскій языки не стояли въ непосредственной зависимости отъ богослужебныхъ книгъ, написанныхъ по церковнославянски. Вопросъ о степени вліянія греческаго синтаксиса на церковнославянскій нельзя считать вполне выясненнымъ въ наукѣ,—но и теперь уже, послѣ изслѣдованія объ этомъ предметѣ г. Потемни²⁾, можно

1) Miklos. Syntax. der Slav. Spr. 822.

2) Мы разумѣемъ вторую часть капитальнаго труда г. Потемни: «Изъ записокъ по русской грамматикѣ».

сказать, что въ самой природѣ церковнославянскаго нарѣчія заключались естественныя условія для воспріятія вліянія со стороны греческаго синтаксиса, иными словами—сама по себѣ церковнославянская рѣчь не была чужда элементовъ, сходныхъ съ греческими способами слововыраженія. Если бы было иначе, то откуда славянскіе переводчики греческихъ книгъ могли бы заимствовать формы словъ, необходимыя для синтаксическихъ построеній, сходныхъ съ греческимъ строемъ рѣчи, напримѣръ, хотя бы формы краткихъ причастій, которыя составляютъ органическую принадлежность церковнославянскаго синтаксиса? Широкое употребленіе этихъ причастій, вообще говоря, свойственно было древнѣйшему состоянію всѣхъ славянскихъ нарѣчій. Было время, когда и въ древнерусскихъ нарѣчіяхъ краткія формы причастій не были еще превращены въ такъ называемыя дѣепричастія, т. е. не были вовлечены въ сферу полной зависимости отъ личныхъ глаголовъ,—поэтому, какъ въ предикативномъ, такъ и въ аппозитивномъ употребленіи ихъ еще не нарушалось согласованіе съ именемъ въ родѣ, числѣ и падежѣ.

Слѣды потери краткихъ формъ причастія относятся къ первымъ вѣкамъ древнерусской письменности¹⁾. Въ XIV—XV вв. рѣзко выступаетъ эта потеря въ письменныхъ памятникахъ, преимущественно въ грамотахъ, которыя ближе стояли къ народнымъ нарѣчіямъ, чѣмъ священныя и богослужебныя книги. Для насъ особенно важны грамоты, слагавшіяся въ канцеляріяхъ литовскихъ князей, какъ памятники письменнаго западно-русскаго языка, который служилъ переходной стадіей въ дальнѣйшемъ развитіи литературной малорусской рѣчи, поэтому мы считаемъ нужнымъ указать главнѣйшія особенности этого языка.

Такъ какъ политическимъ центромъ литовскаго государства

1) Лекціи по исторіи русскаго языка, Соболевскаго (1888 г.), стр. 156, 157: здѣсь приведены примѣры изъ многихъ памятниковъ, начиная отъ XI до XIV в. включительно.

была Вильна — городъ, расположенный на территоріи бѣлорусской, то въ составъ западнорусскаго языка входили преимущественно бѣлорусскіе говоры. Извѣстно, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ они сходны съ южновеликорусскими, и потому мы видимъ въ западнорусскомъ языкѣ фонетическія особенности этихъ послѣднихъ, тождественныя съ бѣлорусскими. Сюда относятся: 1) такъ называемое, аканье, т. е. переходъ неударяемыхъ *о* и *е* въ *а* и *я*; 2) совпаденіе *ь* съ *е*; 3) мягкое *е* и *и*, и отсюда сохраненіе различія между *ы* и *и*; 4) въ большинствѣ говоровъ твердое *р* (*царь, цара, цару*): послѣдней черты нѣтъ въ южновеликорусскомъ нарѣчій и въ сосѣднихъ съ нимъ бѣлорусскихъ говорахъ. Не мало также сходства представляетъ бѣлорусское нарѣчіе съ малорусскимъ, поэтому въ западнорусскомъ языкѣ часто встрѣчаются и малорусскія особенности, какъ звуковыя, такъ и морфологическія. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ. 1) Переходъ *е*, какъ твердаго, такъ и мягкаго, предъ согласными, а также въ концѣ словъ, въ неслоговое *ѣ* (*праѣда, слиѣ* — род. мн. отъ *слива*). Предлогъ *съ* переходитъ въ неслоговое и въ слоговое *у*, а также въ *ув, уво*. Предлогъ *воз* изъ *въз* переходитъ въ *уз*. 2) Смѣшеніе твердаго *л* съ *е* и затѣмъ превращеніе этого послѣдняго въ неслоговое и въ слоговое *у*. Обыкновенно это бываетъ тамъ, гдѣ въ церковнославянскомъ нарѣчій стоитъ согласный *л* — *лз* — согласный, а также въ прош. прич. на *лз* (*воуѣлз, поуѣлз, даѣ, робилѣ*). Въ западнорусскихъ памятникахъ отмѣчалось это явленіе рѣдко посредствомъ замѣны *л* согласнымъ *е*. 3) Сохраненіе слоговъ *мы, іи* подъ удареніемъ въ противоположность великорусскимъ *ой, ей* (*доброй, крутой, мыо, шья, пий*). 4) Появленіе сочетаній *ри, ли* (бѣлорус. *ры, лы*) вмѣсто великорусскихъ *ро, ло* изъ древнерус. *ръ, лъ* (въ словахъ: *кривагыи, дрижаты, злитати*). 5) Произношеніе *г*, какъ латинс. *h*. 6) Отвердѣніе шипящихъ *ж, ч, ш*. 7) *дж* вмѣсто *ж* изъ *дѣ* (*ходжу*). 8) Отвердѣніе губныхъ предъ мягкими гласными и въ концѣ словъ (*пзятъ, голубъ*). 9) Удвоеніе согласныхъ предъ *ј* — гласный (*суддѣя, колосся*). Въ западнорусскихъ памятникахъ

смягченноудвоенные согласные рѣдко обозначаются: большею частію въ этихъ случаяхъ одинъ согласный пишется подъ титломъ.

Замѣчательно, что въ западнорусскихъ памятникахъ почти не отмѣчена самая характерная черта бѣлорусскаго нарѣчія—такъ называемое дзеканье и цвяканье, т. е. превращеніе *д* и *т* въ *д'з* и *ц'*. Развились ли эти звуки подъ польскимъ вліяніемъ или нѣтъ, во всякомъ случаѣ они существовали уже въ бѣлорусскомъ нарѣчій тогда, когда въ малорусскомъ отвердѣли гласные *е*, *и*, т. е. въ XIII—XIV в. Отсутствие *д'з* и *ц'* въ западно-русскихъ памятникахъ обыкновенно объясняютъ консервативностью книжнаго преданія, и мы не отрицаемъ этого объясненія, но думаемъ, что нужно принять во вниманіе и другія соображенія. Вѣдь не помѣшало писцамъ книжное преданіе очень часто смѣшивать, напримѣръ, звуки *у* и *е*, поэтому намъ кажется, что они руководствовались также болѣе или менѣе сознательнымъ выборомъ такихъ начертаній, которыя, соответствуя бѣлорусской фонетикѣ, могли бы находить оправданіе и въ малорусскихъ говорахъ. Смутно мелькала въ ихъ сознаніи идея языка, общаго для всѣхъ племенъ славянорусскихъ, входившихъ въ составъ литовскаго государства. Называли они этотъ языкъ «рѣчью русскою» или же «мовою русскою». Подъ вліяніемъ этой идеи они предпочитали звуки общіе бѣлорусскимъ и малорусскимъ говорамъ, избѣгая специально-бѣлорусскихъ дзеканья и цвяканья и даже иногда аканья: такъ, напримѣръ, въ переводѣ священныхъ книгъ Франциска Скорины совсѣмъ нѣтъ аканья. Но, конечно, создавая этотъ общій русскій языкъ, они, гдѣ можно, опирались и на книжное преданье: такъ, напримѣръ, они смѣло писали *е* вмѣсто *ь*, такъ какъ эта буква произносилась, какъ мягкое *е*, по церковнославянскому употребленію еще въ кievскій періодъ русской книжности. Понятно послѣ этого, почему въ западнорусскихъ письменныхъ памятникахъ нѣтъ и специально-малорусскихъ звуковыхъ особенностей, напримѣръ, *і* изъ *о*, *е*. Это была такого рода условность, которая не сопровождалась какою-нибудь тео-

ріей, но возникла среди книжныхъ людей, какъ бѣлорусскаго, такъ и малорусскаго происхожденія, сама собой, *tacito consensu*. Можно наблюдать этотъ орфографическій процессъ и въ употребленіи буквы *ѣ*. Извѣстно, что въ нѣкоторыхъ бѣлорусскихъ говорахъ, въ неударяемыхъ слогахъ, особенно въ склоненіи именъ существительныхъ, она произносится, какъ *и*, поэтому и въ западнорусскихъ памятникахъ, рядомъ съ преобладающимъ *е* вмѣсто *ѣ*, мы встрѣчаемъ и *и*. Что касается до малорусскихъ писцевъ, то они особенно любили эту букву, употребляя ее для выраженія своего народнаго *и* и сохраняя въ то же время вѣрность церковнославянской традиціи на письмѣ. Тамъ же, гдѣ они ставили по древнерусской традиціи эту букву вмѣсто церковнаго *е*, произнося *ѣ*, какъ *и*, разсчитывали, что читатели бѣлоруссы не затруднятся произнести ее по своему, какъ *е*. Такимъ образомъ, по ихъ понятіямъ, въ большей или меньшей степени получалась правильность орфографическая и фонетическая, и притомъ—не только для малоруссовъ, но и для бѣлоруссовъ. Нужно замѣтить при этомъ, что объединенію діалектическихъ особенностей рѣчи много помогало сходство между малорусскимъ и бѣлорусскимъ нарѣчіями въ морфологическомъ и синтаксическомъ отношеніяхъ.

Укажемъ нѣкоторыя черты этого сходства.

Въ томъ и другомъ нарѣчіи 1) въ мѣст. ед. муж. и ср. р. и въ дат. мѣст. ед. жен. р. сохранилось старинное смягченіе гор-
танныхъ (бѣлор. *на порози, у вусть, дзѣўць, на нозѣ* и проч.). 2) Сохранились также формы зват. пад. (*пане, ворле, дзѣўко, сынку, гаю*). 3) Потеряны древнія окончанія имен. и вин. двойств. муж. р. и замѣнены формами множ. ч. (*два валы, два кони*). 4) Сохранились формы двойств. ч. въ именахъ жен. и сред. р. (*дзѣў жане*, какъ въ галиц. *дві нозї, плечима, очима*). 5) Распространены нѣкоторыя малорусскія формы мѣстоименій (*кимъ, чимъ, тымъ, ѣси, ѣсизъ, ѣсимъ, тыхъ*). 6) Въ глаголахъ I л. множ. ч. встрѣчается окончаніе *мо*, какъ въ малор. (*будзямо, дамо*). 7) Утеряны древнерусскія окончанія причастій на *а, я*,

сохранившіяся въ великорусскомъ нарѣчїи, и замѣнены окончанїями *учи, ючи, ячи*. Въ западнорусскихъ памятникахъ постоянно встрѣчаются формы: *чтучи, рекучи, ежмиваючи*. Рядомъ съ этими краткими формами причастїй образовались полныя, что видно изъ слѣдующихъ примѣровъ: «князь Федоръ, воевода Луцкій, *будучїи* того часу»; «мы, Александръ або Витовтъ, знаменито чинимъ тымъ нашимъ листомъ нывѣшнимъ и потомъ *будучимъ*»; «*заказуючи* (жидамъ) вину намъ мають заплатитъ»¹⁾. Особенное вниманїе мы должны обратить на краткія причастїя новаго типа, такъ какъ они имѣли рѣшительное вліяніе на синтаксическій строй рѣчи, какъ въ нарѣчїяхъ бѣлорусскомъ и малорусскомъ, такъ и въ западнорусской письменности, служившей отраженїемъ этихъ нарѣчїй.

Всматриваясь въ выраженїя съ краткими причастїями на *учи, ючи, ячи*, мы приходимъ къ заключенїю, что функція старинныхъ склоняемыхъ краткихъ причастїй долго еще присущи были живому чувству языка. Распредѣленные между многими формами, функція съ теченїемъ времени, обыкновенно, отходятъ къ немногимъ удѣлѣвшимся формамъ, которыя служатъ для выраженїя разныхъ функцій. Такъ случилось, какъ извѣстно, съ прошедшими простыми, функція которыхъ сосредоточились въ прошедшемъ времени на *лъ*, при чемъ самая форма эта съ теченїемъ времени поставлена была въ особенныя условїя для выраженїя тѣхъ оттѣнковъ времени, которые принадлежали прошедшимъ простымъ. То же самое мы видимъ и въ краткихъ причастїяхъ. Когда они перестали измѣняться по падежамъ, то на окончанїя неизмѣнныя (для наст. врем. *чи*, для прошед. *ши*) перенесено было функціональное значенїе вышедшихъ изъ употребленїя разныхъ падежныхъ окончанїй. Въ этомъ убѣждаетъ насъ синтаксическое построенїе рѣчи, сохранившееся въ западнорусскихъ грамотахъ XVI в. Оно отражается отчасти и въ современной намъ малорусской рѣчи, особенно въ языкѣ народныхъ пѣсенъ. Приведемъ примѣры:

1) Акты западной Россїи. I. 26, 23, 26.

Предикативное употребленіе краткихъ причастій.

I. Съ глаголомъ вспомогательнымъ: «*бачучи есмо* высокіи послуги князя» (Гра. 1552 г.)¹⁾. «Тую уставу нашу *давши есмо* подданнымъ нашимъ» (Гра. 1561 г.)²⁾.

II. При глаголахъ воспріятія, ощущенія, наблюденія и т. п. (соотвѣтственно съ греческой конструкціей *inf. cum accus.*): «шла она с поля з работы и *обачила* трех челоуѣковъ *трясучи* грушу ее» (Гр. 1562 г.)³⁾, «*застали есмо* людей корсовскихъ *оручи* землю» (Гр. 1562 г.)⁴⁾.

«Ударили дробні дощі, ударили тучі, ймили Петра Бондаря у Харинюка спючи»⁵⁾.

III. Послѣ вопросительныхъ и относительныхъ мѣстоименій: «купцы и ремесники всякіе мають добровольно огонь у своихъ домѣхъ завжды держати, *коли хотяче*» (Гр. 1506 г.)⁶⁾. «Абы возы такъ продавали, *якъ зъ дому привезши*» (Гр. 1541 г.)⁷⁾.

«Тутъ я шапку з себе хутко, в віконце, *як мога*»⁸⁾.

«Нема спинку вдовиному сянку, що звів з ума чужую дитинку: *якъ извѣвши*, на коника *сѣвши*: «будь здорова, любая розмова!»⁹⁾.

Аппозитивное употребленіе краткихъ причастій.

Здѣсь особеннаго вниманія заслуживаетъ, такъ называемый, дательный самостоятельный. Слѣды этой конструкціи въ изобиліи встрѣчаются въ западнорусскихъ грамотахъ: «Поведили: *же-*

1) АЗР. II. 143.

2) АЗР. III. 114.

3) Луцк. кн. л. 179.

4) Ibid. л. 127.

5) Гол. I. 176.

6) АЗР. II. 8.

7) АЮЗР. I. 113.

8) Чуб. V. 655.

9) Ibid. 275. 8.

нучи дей *намъ* вепровъ кормныхъ, то пакъ *панъ* Окуровскій споткагъ насъ, прудко у санкахъ бегучи» (Гр. 1564 г.)¹⁾; «*будучи намъ господарю* на великомъ соймѣ, донесли прозъбы свои» (Гр. 1565 г.)²⁾; «*намъ съдши* на отчизномъ нашомъ столцы, есмо напоминали» (Гр. 1507 г.)³⁾. Миклопичъ называетъ эти обороты рѣчи отголоскомъ (*nachklang*) церковнославянскаго языка, даже въ томъ случаѣ, когда причастіе сохраняетъ форму дат. падежа, напримѣръ: «сталося . . . гѣта Божьего . . . мѣсяца . . . при томъ *будучимъ*» . . . (дагѣе слѣдуютъ имена свидѣтелей: Гр. 1510 г.)⁴⁾. Мы тоже думаемъ, что это отголосокъ церковнославянской старины — только, во всякомъ случаѣ, не подражательный. Доказательство заключается въ томъ, что и въ народной малорусской рѣчи встрѣчаются довольно частые слѣды дательнаго самостоятельнаго: «як *тий зозумі* въ саду *кучи*, так *вашій сестриці* там горюючи»⁵⁾; «горе *мені* на чужині, без батенька *живши*»⁶⁾.

Но если и теперь еще въ малорусскомъ нарѣчїи продолжается старинная традиція въ построенїи рѣчи, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что она составляетъ въ ней господствующее начало. Малорусское нарѣчїе въ своемъ историческомъ развитїи шло тѣмъ же путемъ, какъ и всѣ другія, т. е. теряя старинную сжатость предложенїя и безразличїе его составныхъ частей, постепенно переходило къ аналитическому строю рѣчи. По мѣрѣ того, какъ краткія причастїя получали неподвижную форму неизмѣняемыхъ словъ, они уже не могли согласоваться съ именами существительными, и вмѣстѣ съ тѣмъ начали тяготѣть къ глаголу, какъ центру предложенїя, которое въ слѣдствїе того получило ббльшую грамматическую опредѣленность, ббльшую

1) Луцк. кн. л. 9.

2) АЗР. II. 188.

3) Ibid. II. 21.

4) Vergleich. Syntax, 828.

5) Чуб. v. 751.

6) Ibid. 1041.